

Н.А. ЗУБАНОВА

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ АЛЕКСЕЯ ВИКУЛОВИЧА МОРОЗОВА (ЕВРОПА ГЛАЗАМИ РУССКОГО КУПЦА)

Надежда Андреевна Зубанова,

Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»,

научно-исследовательский отдел «Усадьба»,

старший научный сотрудник

Юности ул., д. 2, Москва, 111402, Россия

E-mail: houp.nadejda@yandex.ru

Реферат. *Статья посвящена первому заграничному путешествию известного московского коллекционера А.В. Морозова. На основе фарфоровой коллекции промышленника в 1919 г. был открыт музей (впоследствии Государственный музей керамики). Так как в 1918 г. практически весь архив коллекционера погиб, то документальных сведений о его жизни на сегодняшний день практически не сохранилось. Тем ценнее немногочисленные источники личного происхождения, которые повествуют о жизни коллекционера. К числу таких документов относится его записная книжка с путевыми заметками, которые А.В. Морозов вел во время своего путешествия по Европе в 1878 году. Это первое полное обращение к данному историческому источнику, благодаря которому расширяются наши представления о личной жизни автора и его жизненных увлечениях (театр, музыка, чтение исторических книг). А.В. Морозов оказался тонким наблюдателем привычек, национальных особенностей, он с удовольствием приобщался ко всему, что предлагала Европа неискушенному туристу: полет на воздушном шаре, посещение музеев и театров. На страницах дневника перед нами предстает Европа, увиденная глазами человека, который имел о ней романтизированное представление, почерпнутое из исторических романов и общего курса истории, к счастью для автора разочарования от встречи не произошло.*

Ключевые слова: коллекционер, первая публикация, А.В. Морозов, Европа во второй половине XIX в., путешествие, путевые заметки.

Для цитирования: *Зубанова Н.А. Европейские зарисовки Алексея Викуловича Морозова (Европа глазами русского купца) // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 82–87.*

Судьба известного московского коллекционера Алексея Викуловича Морозова (1857–1934) могла бы стать основой для целого романа: представитель одной из богатейших купеческих династий, наследник колоссальной промышленной империи предпочел бизнесу занятие гуманитарными науками и коллекционирование.

Прадед коллекционера Савва Васильевич Морозов (1770–1860), уроженец деревни Зуево Богородского уезда Московской губернии, крепостной помещика Рюмина, в 1820-х гг. основал собственное ткацкое дело. Его старший сын — Елисей Саввич — приумножил дело своего отца, основав фабрику в местечке Никольское, которое позднее получит славу «русского Манчестера». Викула Елисеевич (отец коллекционера) в 1882 г. основал паевое «Товарищество мануфактур Викула Морозов с сыновьями». Старший сын Алексей, согласно семейной традиции, должен был возглавить фамильное дело, однако по воспоминаниям и самого коллекционера и его окружения, он всегда был более расположен к занятиям гуманитарными науками, нежели к коммерческой деятельности. Поэтому с охотой передал руководство делами брату Ивану, а сам смог полностью отдалиться своей страсти — коллекционированию. Несмотря на то что Алексей Викулович был увлечен эпохой европейского Средневековья, в орбите его собирательских интересов была русская старина «исторического и художественного значения». Среди сво-

их коллекций А.В. Морозов особенно выделял три. *Первая — гравюры* (более 11 тыс. листов), которые были систематизированы и введены в научный оборот самим коллекционером [1]. *Вторая значительная коллекция русского фарфора*, которая на момент национализации, в 1918 г., включала 2372 предмета. *Последней стала формироваться коллекция икон*. Если в случае с фарфором конкурентов у А.В. Морозова в Москве практически не было, то с иконами дело обстояло несколько иначе: это был период, когда данный вид русского искусства обратил на себя внимание очень многих собирателей. К этому времени в Москве уже были известны иконописные собрания С.П. и Н.П. Рябушинских, П.И. Харитоненко и др. По признанию Алексея Викуловича он «несколько запоздал с началом собирания икон» [2, с. 190], но «не жалея трудов и издержек» ему удалось за короткий срок в три-четыре года собрать коллекцию «особого характера с преобладанием икон большого размера, житийных, с живописью в клеймах различных сцен» [2, с. 190]. Помимо крупных коллекций у А.В. Морозова были коллекции тканей, русского серебра, миниатюр и небольшое собрание живописи.

После эпохальных событий 1917 г. А.В. Морозов не выбрал для себя путь изгнанника-эмигранта, а остался при своих коллекциях. Благодаря этому решающему фактору они не были рассеяны в вихре лихолетий, но и сейчас являются подлинными сокровищами в коллекциях самых крупных столичных музеев. А богатейшее собрание русского фарфора стало ядром, вокруг которого сформировался уникальный Государственный музей керамики, сотрудником которого долгое время был А.В. Морозов [3].

К истории династии Морозовых, к вопросу складывания и бытования морозовских коллекций отдельно и в контексте истории Государственного музея керамики уже обращались в своих работах исследователи [4–6], но, к сожалению, сегодня это имя не так широко известно, как имена других московских коллекционеров. В 2017 г. исполняется 160 лет со дня рождения Алексея Викуловича Морозова, и это прекрасная возможность вывести его имя из «сумрака забвения».

В настоящее время, зная основную канву биографии коллекционера, для всех, кто интересуется его жизнью, личность А.В. Морозова остается во многом загадочной. Основная причина — скудность источников: весь архив собирателя погиб в 1918 г., когда фамильный особняк во Введенском переулке Москвы был захвачен бандой анархистов. На закате своего жизненного пути коллекционер начал писать «Воспоминания», но учитывая возраст автора, а также время и обстоятельства их написания, этот источник не позволяет в полной мере представить многогранный образ коллекционера. Жизнь А.В. Морозова до Октябрьской революции (1917)

по крупницам воссоздается благодаря упоминаниям о нем в мемуарах современников [7], переписке с известными людьми [8], родственниками. Тем значительнее становится открытие новых сведений о жизни Алексея Викуловича, тем более, если источники имеют личное происхождение.

В Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС) несколько лет назад были переданы некоторые документы, фотографии и вещи, имеющие отношения к морозовской династии. Среди них — небольшая записная книжка А.В. Морозова с заметками, которые он вел во время своего первого путешествия в Европу в августе – октябре 1878 года [9]. Записная книжка формата А6 в кожаном переплете с золотым тиснением и надписью «POESIE». В книжке 55 листов, из которых исписано 52. Один лист вырван. Автографический текст написан синими и коричневыми чернилами. На некоторых листах страницы заполнены с двух сторон, часть листов — с одной стороны.

Изучение данного источника позволяет исследователям выявить новые, ранее неизвестные страницы из жизни московского коллекционера.

Открыть для себя Европу — было давней мечтой Алексея Викуловича, и он смог ее осуществить в возрасте двадцати одного года. Цель поездки, скорее всего, носила деловой характер: ознакомиться с новейшими техническими достижениями английской промышленности в Манчестере, правда об этом автор замечает вскользь: «Судьба занесла меня в самый центр дымной Англии... Я приехал сюда, чтобы осмотреть интересовавшие меня фабрики» [9, л. 31]. Как старший сын именно Алексей Викулович впоследствии должен был возглавить семейный бизнес. В городе Морозов провел одиннадцать дней — это самая долгая остановка за все время его путешествия.

Вся поездка длилась почти два с половиной месяца, по всей видимости путешественник, воспользовавшись возможностью, решил совместить деловые цели с ознакомительным туром по Европе. Путешествие началось в Санкт-Петербурге 12 августа и закончилось там же 29 октября 1878 года. За это время Алексей Викулович проехал Германию, Швейцарию, Францию, Англию, Италию и Австрию. Морозова в поездке сопровождал либо товарищ, либо деловой партнер, но его имя он нигде не называет.

Радость от первой встречи с Европой была омрачена общим беспокойным душевным состоянием, в котором пребывал автор заметок, и связано это было с романтической историей, которую он переживал, но оставаясь джентльменом даже в рамках такого интимного и личного повествования, Алексей Викулович нигде не упоминает имя своей возлюбленной. Только время от времени меланхоличные мысли вновь и вновь посещают нашего

героя, особенно когда этому соответствует романтическая обстановка местности. Так, в Венеции, зачарованный пением гондольеров, Морозов напишет: «О, то был чудный вечер, который я долго не забуду! Я поддался поэтическому обаянию... Ведь у меня же были поэтические воспоминания лета... Я люблю... У меня есть надежды и есть пыл увлечения... притом мне же дали надежды, когда я расставался. Я страстно желал бы перенестись в нашу родную Москву с этим чудным впечатлением... Я бы заговорил тогда с нею языком любви, я бы пролил слезы радости... Десять недель уже прошло, как я сорвал последний поцелуй с ее руки и с тех пор я не слыхал о ней ни слова... что с ней, that is the question¹. “Souvent femme varie, Bien fol est qui s’y fie ...”² неотвязчиво эти слова охватывают мои мысли... “Woman, they name is frailty”,³ — сказал Шекспир... Иногда мне кажется, что не стоит совсем жить, иногда жажда жизни появляется с силой, которой я до сих пор не испытывал... Все бывает в жизни, отчего не надеяться, моя звезда еще не закатилась, моя энергия лишь начинает показываться. Я чувствую, что я крепну морально... Я иначе смотрю на людей, и дар прозрения, этот драгоценный дар, приходит вместе с верой в людей. Надо жить, обдумывая свои шаги... “S’il est des jours amers, il en est de si doux”⁴ закончу я словами André Chénier⁵» [9, л. 46–47]. Необходимо заметить, что это редчайшее упоминание о личной жизни автора. Доподлинно известно, что Алексей Викулович никогда не был женат, но принимал активное участие в жизни своих племянников и был очень дружен с семьей брата Ивана.

Знакомство с Европой началось у А.В. Морозова с Берлина. И хотя со времени объединения Германии прошло уже семь лет, русский путешественник проводит границу между «милитаристской» Пруссией и «пасторальной» Саксонией: «Саксония представляет все прелести высокой культуры. Страна прекрасно обработана и, как кажется, народ благоденствует... Мне приходилось видеть утро в наших деревнях, я видел его и здесь... Невольно сравниваешь. У нас все поднимаются утром, как на какое мученье, начало дня встречаешь неприветливо, все ждут его конца. Здесь все улыбается, все рады восходящему светилу, заметно, что жизнь имеет прелесть» [9, л. 7 об.]. Характеристика различных европейских наций — одна из примечательных сто-

рон этих путевых заметок: немец «по природе своей груб, но здесь он хорошо дисциплинирован и холодно вежлив», а саксонцы «очень добродушны и любезны», у французов «много шику», англичане «народ материальный, практический», немного фарисеи и не знающие толк в веселье: «они могут напиться и набезобразничать, но веселиться они не могут» [9, л. 29].

Отдельно для себя А.В. Морозов отмечает представительниц прекрасного пола. Парижанки обращают на себя внимание обильным употреблением косметики и легкомысленным отношением к жизни. Англичанки «очень красивы: правильные черты лица, прекрасная фигура, плавные манеры» [9, л. 33]. Жительницы австрийской столицы «берут пикантностью», а красота полек «имеет какой-то лукавый оттенок, выражение глаз напоминает что-то коварное, если хотите, демоническое» [9, л. 50 об.]. Но самую красивую женщину А.В. Морозов для себя отметил не в одной из европейских столиц, а в швейцарском горном отеле Гисбах, расположенном возле одноименного водопада, являющимся местной достопримечательностью. «Чудесная швейцарка прислуживала здесь за столом... Я не встречал еще такой красоты... Тонкие правильные черты лица, какая-то нежность, бледность в цвете кожи, черные густые волосы и бархатные глаза — все это вызывает у меня вздох при воспоминании» [9, л. 19 об.].

Маршруты практически во всех странах пролегали у путешественника по традиционным туристическим достопримечательностям. В Берлине он гуляет в Тиргартене, посещает дворцовый ансамбль Шарлоттенбург. Осматривая картинную галерею, в лице Мадонны кисти Гвидо Рени нашел поразительное сходство со своей возлюбленной: «она очень напоминает дорогие черты... Я купил фотографию и вожу ее везде за собой» [9, л. 3 об.]. Но общее впечатление от Берлина осталось скорее безрадостное: «Все оказывается казармой; везде видна выправка и дисциплина. Город однообразен» [9, л. 19 об.].

Иное впечатление на А.В. Морозова произвел Дрезден, где он, видимо, впервые увидел ту Европу, о которой мечтал — Европу с налетом средневекового романтизма. В своей любви к средневековой эпохе автор неоднократно признается на страницах путевых заметок. Для него это время, сведения о котором, скорее всего, были почерпнуты из рыцарских романов и произведений В. Скотта, так как Алексей Викулович имеет о нем достаточно идеалистическое суждение: «Я здесь упомянул о симпатии к средним векам и должен это объяснить, чтобы не дать повода к превратным толкованиям. Это субъективная, моя личная симпатия, вытекающая из свойств моего характера. Как слабый характер, я удивляюсь, j`aduire, этой эпохой движе-

¹ «Вот в чем вопрос» (пер. с англ.). У. Шекспир. Гамлет. Акт 3, сцена 1.

² «Женщины изменчивы, глуп тот, кто им верит» (пер. с фр.). В. Гюго. Мария Тюдор. День 3, явление 1, сцена 2.

³ «Женщины, вам имя вероломство» (пер. с англ.). У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 2.

⁴ «Есть дни ненастные, но красен Божий свет» (пер. с фр.). А. Шенье. Ода.

⁵ Андре-Мари Шенье (1762–1794) — французский поэт и драматург.

ния, борьбы и рыцарства. Как характер, несколько идеальный, лишенный практической почвы, я пленяюсь этой эпохой, как эпохой, когда не одни узкие материальные, меркантильные цели руководили людьми, когда было место чистым, душевным порывам... Я отвертываюсь с негодованием от актов насилия и грубого феодализма, но разве теперь в наш просвещенный век мы не ужасаемся диким ужасам Парижской коммуны и зверствам болгарской резни... Скотские страсти во все времена порождали ужасы... В Средние века мы видим веру, религиозное увлечение, и эпоха Крестовых походов нам ясно показывает, что увлечение идеей могло перейти в дело и дать результаты. Теперь же мы можем сказать с грустью, вместе с симпатичным Гамлетом: “слова, слова”... В Средние века ум, талант, смелость могли рассчитывать на успех, теперь же нам рекомендуют терпение, называя “гением” эту ослиную добродетель» [9, л. 8–9].

Очарованный рыцарским временем А.В. Морозов позднее закажет архитектору Ф.О. Шехтелю переделать в готическом стиле кабинет в своем московском особняке, а художник М.А. Врубель напишет для него серию полотен на сюжет «Фауста» Гёте.

Примечательно, что свои впечатления от посещения того или иного памятника Алексей Викулович описывает очень скудно — чаще всего это одно-два предложения. Его встреча с главным шедевром Дрезденской картинной галереи «Сикстинской Мадонной» запечатлена так: «Мадонна Рафаэля прекрасна, но божественного мало... Ей можно любоваться, но перед ней не благоговение» [9, л. 6]. А вот мнение о знаменитой «Галерее Красавиц» (Schönheitengalerie), созданной по заказу баварского короля Людвига I: «набрали 38 портретов. Жены и дочери портных, купцов и т. п. не дурны, графини же все почти подгуляли. Красавиц почти нет; большинство попало по протекции» [9, л. 10].

Отметим, что А.В. Морозов ничего не пишет о посещении музеев в Париже и Лондоне. Во французской столице он побывал в Пантеоне, наслаждался прогулками в Булонском лесу, а также испытал незабываемые впечатления, связанные с полетом на воздушном шаре: «панорама Парижа прекрасна, воздух был ясен и все было прекрасно видно. Какое-то есть необъяснимое обаяние в том чувстве, которое испытываешь при первых минутах подъема... Оставляешь всю землю, отрываешься от нее, чтобы улететь в другой мир» [9, л. 26].

В целом А.В. Морозов очарован Парижем: «Есть какое-то величие в его внешности, есть что-то повелевающее, внушительное. Сколько оживления! Сколько уличной жизни!» [9, л. 24 об.].

На фоне жизнерадостной и бурлящей французской столицы Лондон явно проигрывал в глазах русского путешественника: «Громады зданий, почерневших от дыма, толпы бегущие, суетящиеся и все

business, business» [9, л. 29]. На Туманном Альбионе большая часть времени была отведена деловой части поездки, с необходимыми деловыми обедами и встречами. Но как внимательный наблюдатель для себя А.В. Морозов отмечает комфорт английской жизни, новомодные увлечения англичан спортом и пари: «пари очень развиты в Англии. Бывают курьезные. Например, тот выигрывает, чей червяк из лимбургского сыра упрыгнет дальше» [9, л. 32 об.].

Настоящей кладовой искусств раскрылась перед Алексеем Викуловичем Италия: Турин, Милан, Верона и жемчужина в этом ожерелье городов — «Venezia la Bella!». «В Италии я просто делаю артистическое путешествие», — признается автор [9, л. 44]. С первых же мгновений он сражен красотой Венеции, где делает остановку на четыре дня: «эти черные гондолы, скользящие по тихим водам канала, эта глубокая тишина, это море, которое тебя окружает, la bella, делают тебя при воспоминании твоей славной истории самым поэтичным городом на свете...» [9, л. 44].

Не менее чем рукотворные шедевры, путешественника покоряют красоты, созданные природой. С поэтическим восторгом он описывает впечатления от Альп и утреннего озера Комо: «Я увидел тихое, как зеркало, озеро, голубое небо и солнце, бросившее мне в лицо столб лучей» [9, л. 40 об.].

Отдельного внимания заслуживают упоминания о случайных знакомствах с интересными людьми. Знание французского и английского языков снимало проблему общения. В отеле Цюриха А.В. Морозов дискутирует с молодой швейцаркой о том, что заложено в основе человеческих устремлений. Алексей Викулович, увлеченный средневековыми идеалами, смотрит на этот вопрос с позиций романтика-идеалиста, его визави не признает в деятельности человека никаких иных стимулов, кроме материальных. По пути на озеро Комо произошло знакомство А.В. Морозова с итальянской графиней, автор не сообщает подробностей их разговора, скорее всего эта была вежливая светская беседа двух случайных попутчиков.

Во время прогулки в долине Шамони он познакомился с доктором из Сан-Франциско. Вечером, в ресторане, путешественники поднимают бокалы за дружбу России и Америки. Заслуживает внимания примечание А.В. Морозова о том, что американец похвалил его хороший английский язык, которому автор обучался с детства. Вспоминая свои детские годы, Алексей Викулович отмечает, что бабушка Евдокия Демидовна была против того, чтобы детей учили иностранным языкам: «Раз она меня, восьмилетнего мальчика, вызвала к себе и убеждала не учиться у гувернантки, уверяя, что “русский язык самый праведный язык, и сам Бог с ангелами по-русски разговаривает”» [10, с. 552].

Помимо освоения европейских языков и европейской литературы автор демонстрирует хорошие познания и в области истории: увиденные им достопримечательности являются ожившими иллюстрациями к сюжетам, известным с детства, почерпнутым из курса школьной истории и исторических книг. «Славный Enrico Dandolo⁶ — покоритель Константинополя, несчастный старик. Марино Фальери, портрет которого скрывается за написанной черной занавеской⁷... все это вновь проходит в памяти, получая более конкретное очертание. Вот где сухая история получает ясные образы. Видя все это, невольно захочешь ближе ознакомиться с этими временами, где было много поэзии рядом с ужасами, где умели страдать и наслаждаться» [9, л. 45].

Еще одна область искусства, где А.В. Морозов раскрывается как истинный знаток и ценитель — это музыка. Пользуясь возможностью, он посещает Дрезденскую государственную оперу, в Манчестере ему «посчастливилось» услышать знаменитый супружеский дуэт Патти⁸ и Николини⁹. Не мог он обойти своим вниманием и Венскую государственную оперу: «В Вене прекрасная опера. Театр, певцы, оркестр, хоры, постановка — все это дышит ансамблем. Я был два раза» [9, л. 48]. Но кроме больших музыкальных форм А.В. Морозов с удовольствием открывает для себя и французские оперетки: «Все оперетки здесь идут прелестно. Пропать веселья, оживленья и изящества. Все очень непринужденно и грациозно... Мне кажется, что оперетка — это специальность французов и самый подходящий к их характеру род оперы» [9, л. 25 об.].

Подводя итоги своим путевым впечатлениям, автор остался недоволен их изложением: «Это лишь конспект. Я сделал больше наблюдений, больше узнал, почувствовал, чем написал в этой книжке... Впрочем, я сам могу легко восстановить свои впечатления по этим эскизам» [9, л. 52]. Доподлинно неизвестно, удалось ли Алексею Викуловичу осуществить задуманное. Но даже в таком конспективном виде путевые заметки, безусловно, являются бесценным источником, который позволяет не только восстановить лакуны в биографии коллекционера, но и узнать его как личность: внимательный читатель увидит за порой скупы-

ми строчками повествования самобытный «автопортрет» героя. Алексей Викулович предстает человеком идеалистического склада, с утонченным вкусом, начитанным, ценителем женской красоты и комфорта, искусственным меломаном и внимательным, а порой и саркастическим наблюдателем. Выросший в закрытой среде патриархальной старообрядческой семьи, он, тем не менее, стал человеком открытым и восприимчивым к европейской культуре. Впоследствии, совершая регулярные поездки за границу, Алексей Викулович не только расширял свой кругозор, но и посещал европейских антиквариев с целью пополнения своих коллекций. Лишенный, как он сам о себе пишет, «практической почвы», необходимой для успешного ведения предпринимательской деятельности, он посвящает свою жизнь коллекционированию — делу, которое, по-видимому, было более созвучно его внутреннему миру.

Список источников

1. Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Москва : Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1912–1913. Т. 1–4.
2. Линьков А.П., Сакович А.Г. Алексей Викулович Морозов // Эра Румянцевского музея. Гравюрный кабинет. Из истории формирования собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. Москва : Красная площадь, 2010. 348 с.
3. Мозжухина Т.А. Единственный в России Государственный музей керамики в Кускове: фарфор, керамика, стекло. Москва : Тритона, 2012. 47 с.
4. Морозовы и Москва : труды Юбил. науч.-практ. конф. «Морозовские чтения», Москва, 26–27 дек. 1997 г. Москва : Богородский печатник, 1998. 262 с.
5. Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» («Морозовские чтения»), Ногинск (Богородск), 16–18 нояб. 1995 г. Ногинск : Богородский печатник, 1996. 215 с.
6. Филаткина Н.А. Династия Морозовых: лица и судьбы. Москва : Издательский Дом ТОНЧУ, 2011. 582 с.
7. Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследие. 1991. № 6. С. 89–109.
8. Врубель. Переписка: Воспоминания о художнике / [сост. и коммент. Э.П. Гомберг-Вержбинской, Ю.И. Подкопаевой]. [Ленинград] ; [Москва] : [Искусство], [1963]. 362 с.
9. Морозов А.В. Записная книжка // Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦММЛС). Ф. Л-284. Оп. 1. Ед. хр. 6. 55 л.
10. Филаткина Н.А. Воспоминания А.В. Морозова: (публикация) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) : [сб. науч. трудов] / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Москва : Языки славянских культур, 2004. Вып. 3. С. 542–553.

⁶ Энрико Дандоло (1108(?)–1205) — 41-й дож Венеции.

⁷ Марино Фальери (1274–1355) — 55-й дож Венеции. В 1365 г. был издан указ, согласно которому имя Фальери было стерто с фриза в зале Большого совета, где выбиты имена всех дожей, и заменено надписью: «На этом месте было имя Марино Фальери, обезглавленного за совершенные преступления».

⁸ Патти Аделина (1843–1919) — одна из наиболее значительных и популярных итальянских певиц своего времени.

⁹ Николини Эрнесто (1834–1898) — французский оперный певец (тенор), муж А. Патти.

EUROPEAN TOUR OF ALEXEI VIKULOVICH MOROZOV (EUROPE THROUGH THE EYES OF A RUSSIAN MERCHANT)

NADEZHDA A. ZUBANOVA

State Museum of Ceramics and “The 18th Century Kuskovo Estate”, 2, Yunosti St., Moscow, 111402, Russia
E-mail: houp.nadejda@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the first foreign travel of the famous Moscow collector A.V. Morozov. In 1919, his collection of porcelain formed the basis for a museum (later the State Museum of Ceramics). As Morozov's archive was mostly destroyed in 1918, almost no documentary materials on his life have been preserved until today. That makes the scarce sources of his personal origin, those telling about the collector's life, even more valuable. Among the documents, there is his notebook with the travel notes that A.V. Morozov was keeping during his travel to Europe in 1878. The article is the first complete reference to this historical source, which help expand our understanding of Morozov's personal life and hobbies (theater, music, reading of history books). Morozov appears to be a perceptive observer of habits and national peculiarities, he was happy to become familiar with everything that Europe would offer to an inexperienced tourist: ballooning, visiting museums and theaters. On the pages of this diary, we can see Europe through the eyes of a man who had got a romanticized view of it, learnt from historical novels and the general course of history, and who, fortunately, was not disappointed by this journey.*

Key words: collector, the first publication, A.V. Morozov, Europe in the second half of the 19th century, journey, travel notes.

Citation: Zubanova N.A. European Tour of Alexei Vikulovich Morozov (Europe through the Eyes of a Russian Merchant), *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 82–87.

References

1. Morozov A.V. *Katalog moego sobraniya russkikh gravirovannykh i litografirovannykh portretov* [The Catalog of my Collection of Russian Engraved and Lithographed Portraits]. Moscow, Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson Publ., 1912–1913, vol. 1–4.
2. Linkov A.P., Sakovich A.G. Alexei Vikulovich Morozov, *Era Rumyantsevskogo muzeya. Gravyurnyi kabinet. Iz istorii formirovaniya sobraniya GMII im. A.S. Pushkina* [The Era of the Rumyantsev Museum. The Gravure Cabinet. From the History of the Collection Formation of the Pushkin Museum]. Moscow, Krasnaya Ploshchad' Publ., 2010, 348 p.
3. Mozhukhina T.A. *Edinstvennyi v Rossii Gosudarstvennyi muzei keramiki v Kuskove: farfor, keramika, steklo* [The Only Russian State Museum of Ceramics in Kuskovo: Porcelain, Ceramics, Glass]. Moscow, Tritona Publ., 2012, 47 p.
4. *Morozovy i Moskva: trudy Yubil. nauch.-prakt. konf. "Morozovskie chteniya"*, Moskva, 26–27 dek. 1997 g. [Morozovs and Moscow: Proc. of the Anniv. Sci.-Prac. Conf. "The Morozov Readings", Moscow, 1997, December, 26–27]. Moscow, Bogorodskii Pechatnik Publ., 1988, 262 p.
5. *Trudy Pervoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Morozovy i ikh rol' v istorii Rossii" ("Morozovskie chteniya")*, Noginsk (Bogorodsk), 16–18 noyab. 1995 g. [Proc. of the First Sci.-Prac. Conf. "The Morozovs and their Role in the History of Russia" ("The Morozov Readings"), Noginsk (Bogorodsk), 1995, November, 16–18]. Noginsk, Bogorodskii Pechatnik Publ., 1996, 215 p.
6. Filatkina N.A. *Dinastiya Morozovykh: litsa i sud'by* [The Morozov Dynasty: Faces and Fates]. Moscow, TONChU Publ., 2011, 582 p.
7. Morozova M.K. *Moi vospominaniya* [My Memoirs], *Nashe nasledie* [Our Heritage], 1991, no. 6, pp. 89–109.
8. Gomberg-Verzhbinskaya E.P., Podkopaeva Yu.I. (eds). *Vrubel'. Perepiska: Vospominaniya o khudozhnike* [Vrubel. The Correspondence. The Memoirs of the Artist]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1963, 362 p.
9. Morozov A.V. *The NoteBook, Tsentral'nyi moskovskii arkhiv-muzei lichnykh sobranii (TsMAMLS)* [Central Moscow Archive-Museum of Personal Collections], coll. L-284, aids 1, item 6, 55 p.
10. Filatkina N.A. *Vospominaniya A.V. Morozova* [Memoirs of A.V. Morozov], *Starobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [The Old Belief in Russia (17th–20th Centuries)]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2004, issue 3, pp. 542–553.